Б. В. КУНАВИН

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОВЕСТИ О ЖИТИИ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

Исследуемый памятник новгородской литературы конца 70-х гг. XV в. содержит местные предания о юродивом Михаиле, выступающем в качестве обличителя новгородского боярства. Это произведение — «не столько житие святого, сколько собранные воедино краткие, увлекательные рассказы о достопримечательных случаях его жизни. Динамичность, занимательность повествования усиливается ярким, сочным языком, который и по строю своему, и по лексике близок к живой разговорной речи новгородцев той поры» (1,618).

В настоящей статье исследуется роль конструкций с именными действительными причастиями в формах именительного падежа в композиции Повести. Лаконичность и цветистость повествования в анализируемом произведении во многом достигаются благодаря широкому использованию в нем причастий, которые характеризуются синтаксической подвижностью, концентрированностью и сжатостью. Изучение причастных сочетаний в языке фольклора важно, поскольку именно разговорным языком были обусловлены все те изменения, которые произошли в причастной парадигме и в конечном счете привели к образованию деепричастия. Близость языка памятника к живой разговорной речи полностью подтверждается анализом причастных конструкций. В исследуемых материалах не употребляются такие книжные конструкции, как обороты типа *бѣ уча, приде ища, сконча зижа,* не употребительны причастия в сочетании с глаголом в форме императива, полипричастные конструкции. Совсем не встречаются идиоматические обороты с причастиями *глаголя* и *рекъ* для введения прямой речи. Все отмеченные конструкции в исследуемый период широко употреблялись в памятниках с книжными чертами языка и стиля.

В повести отсутствуют изменяемые именные действительные причастия. Условно их, пожалуй, можно именовать деепричастиями, хотя по своей синтаксической роли они и отличались от современных деепричастий.

В научной литературе существует мнение, что возникновение деепричастия в русском языке было вызвано развитием гипотаксиса за счет паратаксиса (ср. 2, 194). Вряд ли можно оспа-

ривать тот факт, что развитие гипотаксиса происходило наиболее интенсивно именно в книжном языке, а не в разговорном. Однако испытавший значительное влияние со стороны хорошо развитой гипотактической системы греческого языка старославянский вовсе не знает деепричастий[1], а в книжном древнерусском языке они встречаются намного позже и реже, чем в деловом. Таким образом, пожалуй, нет оснований сомневаться в том, что процесс формирования деепричастий начался именно в менее развитой со стороны гипотаксиса системе разговорного древнерусского языка, а не книжного. Общеизвестно, что употребление сочинительного союза для связи причастия и глагола говорит о невыраженности гипотаксиса в древнерусском языке. Известно также, что в старославянском языке такие конструкции, представляя структурное отклонение от греческого (ср. 8, 106), встречаются реже, чем в древнерусском, а следовательно, они являлись отражением живой речи древних русичей.

В исследуемом памятнике зарегистрировано 28 причастных (деепричастных) конструкций. Из них в 16 случаях неизменяемое причастное образование соединяется с глаголами при помощи сочинительного союза[2] исключительно с причастием в препозиции по отношению к глаголу. Преобладают примеры с союзом *да*.

Препозитивные конструкции

Конструкции с причастием в препозиции по отношению к глаголу характеризуются тем, что причастие в них имеет большой семантический вес. Исходя из того, что проблема актуального членения важна именно для устной речи, в подлежащных причастных конструкциях следует различать два типа: *второстепенное сказуемое — подлежащее — главное сказуемое* и *подлежащее — второстепенное сказуемое — главное сказуемое*.

---

[1] Утверждение Миклошича (3,828), Шолвина (4,553), Вондрака (5,608), Вайана (6,239), Зубатого (7,145) о наличии неизменяемых причастий в старославянском языке неубедительны и с полным правом отвергнуты Р. Ружичкой (8,170—176, 185).

[2] Подобным конструкциям в научной литературе было уделено огромное внимание со стороны различных исследователей, так как они поражали ученых своей необычностью. Суждения относительно характера этих конструкций противоречивы. Анализ различных мнений содержится в работах Курца (9,95—98) и Р. Ружички (8,102—112). Мы по этому вопросу разделяем мнение тех ученых, которые следуют точке зрения А. А. Потебни: «...присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза, именно то, что в предложении два почти равносильные центра... Союз а здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения» (10, 190, 197).

Конструкция второстепенное сказуемое — подлежащее — главное сказуемое

В подобных конструкциях причастие логически выделено. Такой порядок слов используется обычно при включении в повествование. Ср.: И *вшед* в кѣлью игумень, да почаль по кѣльи темьяном кадить... (334); и *отъѣдши* хлѣба, да Феодосий рече ему... (336)[3].

В следующих примерах подлежащее располагается между второстепенным сказуемым и второстепенным членом, относящимся к этому второстепенному сказуемому. При таком порядке слов отчетливо прослеживается синтагматическая членимость конструкции. Ср.: И *приехавъ* владыка опять к Михайлу, и рече Михайлу... (334); И *пришедши* Олферий к церкви святѣй Богородици в Курецко, и молви... (342). Встретился единственный пример с препозитивным причастием (деепричастием) в форме настоящего времени, обозначающим действие, одновременное с действием главного сказуемого: И *сѣдячи* владыка за столом, да молвит... (342).

Конструкция подлежащее — второстепенное сказуемое — главное сказуемое

В этой конструкции логически выделено подлежащее. Синтаксический вес причастия ниже, чем в рассмотренном выше конструктивном типе. Ср.: И игуменъ, *отпѣвъ* обѣднюю, да вышелъ из церкви (340); И князь, того не *рядячи,* да поѣхалъ досягати великого княжениа (344); И князь, *услышавъ* голосъ его. да посмотреѣ въ очи и позна его (336); И онъ *шед*, да позвалъ их (336); И попъ *отпѣвъ* обѣднюю, да Феодосию далъ проскуру... (336); И попъ, *уполошився,* да пошол въ церковь... (334); И попъ Макарий, *покадивъ* церковь на 9-й пѣсни, да пошелъ в келью (334). В следующем примере в конструкции опущено главное сказуемое: И онъ ширинку *дергъ* из рукъ вонъ у владыкы, да на главу владыкы (342); И игуменъ *вземъ* кресть и кадило, и прииде х кельи... (334).

В анализируемом памятнике зарегистрировано три примера употребления конструкции с отсутствующим, но контекстуально сигнализированным подлежащим. Ср.: *Приѣхавъ* (посадникъ), послал ко владыцѣ (342); И *приѣхавъ* (Михайла), да велѣлъ молебенъ пѣти да обѣднюю (342); И онъ пошол к ним к рѣки, да и в рѣку за ними сам *сугнавъ,* да ударилъ рукою... (340). Только один раз встретилось препозитивное причастие (деепричастие), соединенное с глаголом бессоюзно, причем с обстоятельственным значением: ...старець *сѣдя* пише (334).

---

[3] Материал Повести приводится из сборника «Памятники литературы Древней Руси». Вторая половина XV века.— М., 1982.

Постпозитивные конструкции

В конструкциях с причастием в постпозиции второстепенное сказуемое логически не выделяется, его семантический вес, как правило, редуцирован. Информация, заключенная в нем, носит комплементарный характер, а иногда и просто избыточна. Ср.: Люди подняли его, *пришед*, да повели его (340).— Анализ этого примера показывает, что информация, сообщаемая причастием, излишня. Разумеется, прежде чем поднять человека, к нему надо подойти. Малая семантическая значимость причастий очевидна и в следующих примерах: По малѣ по томъ времени вышелъ Феодосий игуменъ и старци из церкви от обѣдней, *отпѣвъ* обѣднюю... (336); ...и Михайлу далъ (князь), с себе *снемъ*, шубу (344).— В этих конструкциях ярко отражается разложение перфектности в языке и образование новой формы прошедшего времени. Употребление причастия прошедшего времени способствует выделению результата в виде линейного признака. Всего два примера с причастием в указанной позиции встретились в форме настоящего времени. Ср.: Разболися Михайло месяца декабря на Савинъ день, *ходя* к церкви (344). В приводимом ниже примере причастие имеет обстоятельственное значение: ...а пише старец *сѣдя* «дѣанна», святаго апостола Павла и плавание (334).

Как показывает приведенный выше материал, деепричастие в русском языке сложилось, видимо, вне зависимости от развития гипотаксиса. Что же тогда явилось источником его возникновения?

На наш взгляд, решающими здесь были два фактора:

1) стабилизация причастия в роли второго (второстепенного) сказуемого в связи с выражением им относительного времени;

2) усиление его предикативных свойств, вызванное утратой именного склонения, а также отчасти обусловленное исчезновением форм аориста и имперфекта.

Эти два фактора действовали неравномерно и противоречиво. Так, стабилизация в употреблении именного действительного причастия в роли второго сказуемого была по сути дела осуществлена уже в старославянском языке, однако деепричастных форм старославянский не знал. Их появлению мешала недостаточная предикативная сила причастия. Его функция была сугубо специфичной — аппозитивной. Эта функция причастия характерна и для книжного древнерусского языка. Начавшееся потом усиление предикативных свойств причастия стало функционально сближать причастное и глагольное сказуемое. Таким образом, причастное сказуемое утратило свое специфическое значение аппозитивности и совпало по предикативной силе с глагольными (Ср. 11, 180). А поскольку оно могло употреб-

ляться только наряду с глагольным сказуемым, то согласование его с подлежащим становится избыточным, так как все его формальные связи с подлежащим должны быть такими же, как и связи глагольного сказуемого (Ср. 12, 177). Однако усиление предикативных свойств причастия не только обуславливало появление деепричастия — второго сказуемого, но и порой приводило к абсолютивному употреблению причастного предиката. Не столь частые примеры абсолютивного использования причастия (деепричастия) в древнерусском языке имеют для исследователя огромное значение, так как только они могут объективно свидетельствовать о возросшей предикативной силе причастия.

В исследуемом памятнике зарегистрировано шесть случаев абсолютивного использования деепричастий. Чаще всего абсолютивное деепричастие употребляется в одной из частей сложного предложения. Ср.: И *поживъ* (Феодосий) на владычьств три года и потомъ сведоша его с сѣней и бояри послаша его в монастырь (340); *Хватя* старцы Михайла на святой недѣли, аже его в манастырѣ нѣт (342); И пристави к нему (Михайлу) человека. И *хватя,* ажь Михайла ни бывало (342); ...*посмотря* (люди), аже иде Михаилъ, а олень за нимъ... (344). Во всех приведенных примерах причастная часть зависит от глагольной. Эти обороты, по меткому выражению А. А. Потебни, «имеют значение не сочинения равносильных предложений..., а подчинения...» (10, 202).

Но в анализируемой повести встретилось также два случая употребления абсолютивного причастия в простом предложении.

Учитывая то, что именное действительное причастие (деепричастие) в древнерусском языке в основном выступало в роли второго предиката, а также исходя из того, что в древних памятниках русской письменности зачастую бывает трудно установить границу предложения, представляется не лишним показать абсолютивное употребление причастия в простом предложении, исходя из широкого контекста: И онѣ того мѣста досмотрѣша, ажь земля тала. И они ту его погребоша честно. Нѣхто христолюбивый купец, Михайло Марковъ *имѣя* любовь ко святому старцу Михайлу. Идущу ему торговати за море, и бывшу ему за моремъ год и возъвращуся ему взадъ, идущу по морю, и бысть буря велия (346). В следующем предложении в конструкции употреблено два причастия (деепричастия), одно — в функции второстепенного сказуемого, а другое — главного: И три дни лѣжал не похороненъ. И люди добрыи *скопяся* из города, игумены честныи и попы и *понесъ* Феодосиа ко гробу хоронити (344).

При абсолютивном употреблении причастия в простом предложении невозможно говорить о временной соотносительности

действий причастного и глагольного сказуемых. Анализ приведенных примеров показывает, что причастное сказуемое обозначает действие, целиком отнесенное в прошлое, хотя и стоит в форме настоящего времени. Временное значение анализируемого причастия определяется соседними глагольными формами, а также его логическим содержанием и окружающим контекстом (Ср. 13, 162). Как справедливо замечает В. Л. Георгиева, «причастия в роли сказуемого без связки характеризуются разрушением временного значения своих суффиксов...» (13, 162). Автор четко отграничивает подобные причастные сказуемые от именных, справедливо оценивая их как глагольные, одинаково как с семантической стороны, так и с грамматической: «Действие имеет характер процесса. Такой вывод связан с тем, что нельзя представить себе употребление имени без связки в роли сказуемого для обозначения признака в прошлом, да еще признака случайного, временного, который предполагает замену его другим в этих же пределах прошлого» (13, 162). Вместе с тем, В. Л. Георгиева отмечает, что «замечание о разрушении временного значения суффикса краткого причастия нельзя понимать как потерю этим причастием значения времени вообще. В подобном случае мы имели бы, наоборот, факт удаления причастия от глагола и приближения к имени прилагательному. Но это значение времени у рассматриваемого причастия, как было указано, определяется уже не суффиксом, а другими языковыми факторами... На такое причастие уже смотрели, как на традиционную книжную форму, которой можно было выразить действие субъекта» (13, 163). Последовательная утрата именным действительным причастием дифференциальных признаков имени (рода, числа, падежа, способности выступать в синтаксической роли определения), а также усиление предикативных свойств привели к тому, что оно стало своеобразной формой для выражения глагольности. В книжном языке оно еще более утратило свои качественные очертания, употребляясь не только в конструкциях, подобных приведенным, но и в составе аналитической формы, а также в значении инфинитива и супина. Подобно тому, как редуцированные гласные в древнерусском языке, утратив свои дифференциальные признаки, стали гласными для гласности, что приводило к появлению квазиредуцированных, так и анализируемые причастные формы на периферии причастной системы стали исполнять функции глагола и допускали иногда появление квазипричастных форм. Особенно наглядно это проявляется в следующем примере: И отпевъ обѣднюю, пошли в трапезу, и поставя обед (342). Смысл этого предложения таков: И, отпев обедню, пошли в трапезную, где был приготовлен обед. Именное действительное причастие (деепричастие) употреблено в данном примере в значении причастия страдательного залога. В подобном при-

частии дезактуализирована не только категория времени, но и категория залога. Это мнимая форма именного действительного причастия, отражающая последнюю ступень его утраты и отраженная в литературном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века.— М., 1982.
2. Пигин М. И. Причастное сказуемое в древнерусском языке, выраженное нечленным действительным причастием.— Уч. зап. Карело-Финского университета, т. V, вып. I, 1955.
3. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. IV. Band. Syntax. Heidelberg, 1926.
4. Scholvin R. Beiträge zur Declination in der pannonisch — slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen, in Archiv für slavische Philologie, Zweiter Band.
5. Vondrak W. Altkirchenslavische Grammatik, zweite Auflage. Berlin 1912.
6. Vailiant A. Manuel du vieux Slave. Paris, 1948.
7. Zubaty J. K vykladu nekterych prislovci, zvlaste slovanskych, Studie a clanky, Svazek II. Praha, 1954.
8. Ružička R. Das syntaktische System der altslavischen. Partizipien und sein Verhältnis zum Greichischen. Berlin, 1964.
9. Kurz J. Problematika zkoumani syntaxe staroslovenskeho jazyka a nastin rozboru vyznamu castie i, a a pod v konstrukcich participialnich vazeb s urcitymi Slovesy, b: K historickosronvávácemu Studiu slovenských jazyku. Praha, 1958.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II.— М.: Учпедгиз, 1958.
11. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка.— М., 1956.
12. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения.— ИОРЯС, т. IV, вып. 5, 1945.
13. Георгиева В. Л. Причастное сказуемое в истории русского языка (по памятникам XII—XVII вв.).— Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 225, 1962.